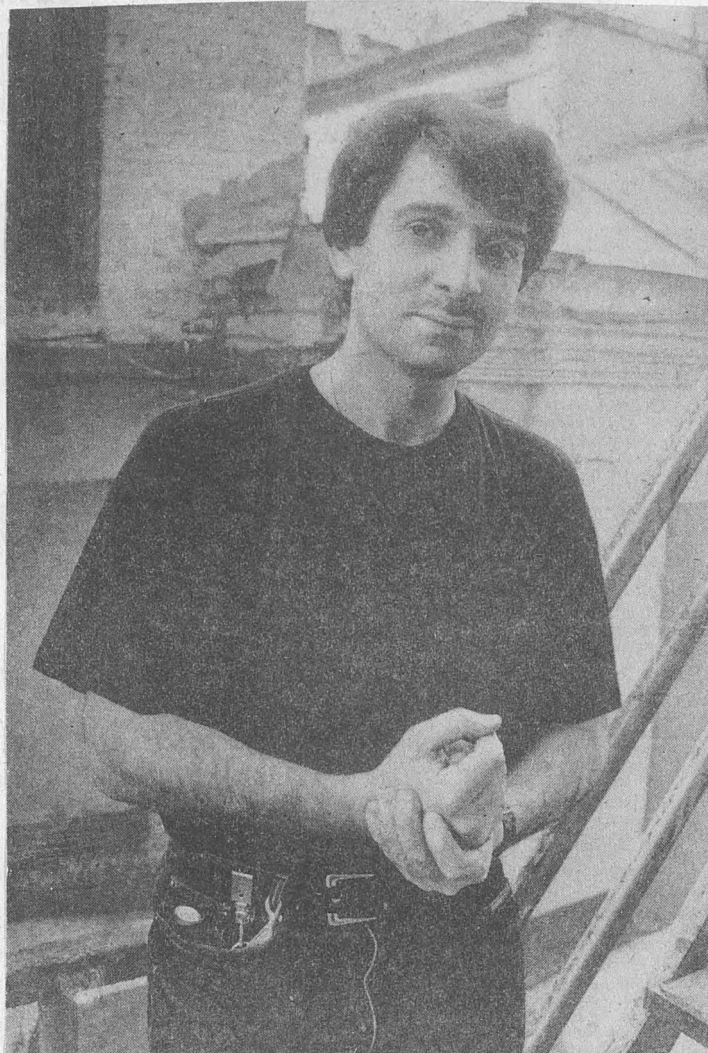

Клубные встречи

Аттестовать Владимира Вишневого просто, поскольку титулов у него полно (сам заблаговременно озаботился). Например, певец взаимности, поэт-мужчина. Или: отец советского одностишия. А также: выразитель дум и чаяний наиболее незащищенных в сексуальном отношении слоев, то есть мужчин и женщин. Увидеть этого красавца мужчиной со жгучим взглядом и роковыми усами вы можете хоть сегодня — поскольку нынче вечером на канале НТВ состоится премьера передачи "Вишневский сад", где он предстанет собственной персоной. В очень приличной, кстати, компании. Но об этом — чуть позже.

не менее... Для меня знакомство на улице не роскошь, а средство передвижения по городу.

— В этом есть что-то от сиротства, от неприкаянности.

— Ну... Применительно к себе слово "сиротство", наверное, слишком сильно звучит — так сказать, забубенно-поэтически-российски. Все-таки мне в жизни везло. Я рос в любящей семье — и дай Бог здоровья моим родителям. И я далеко не одинок, люблю и любил. А некоторая неприкаянность имеет ведь и обратную веселую сторону, которая зовется совершенно незаменимым русским словом "раздолбайство" — это в самом мягком варианте. И если бы не оно — я бы мало чего достиг. Если бы я все воспринимал адекватно, то, конечно, сошел бы с ума и оказался в психушке.

— А сверхзадачи создания образа современного Дон Жуана у вас не было?

— Нет, это сложилось невольно. Я просто занял свою не экологическую нишу, а, с учетом материала, — свой экологический альков. А когда-то я писал серьезные стихи о безответной любви, на которые ушло пять лет. И я сейчас благодарен той жен-

— Мне тоже — но мироощущение интересное... Однако при всем своем лихом имидже, при всем наигранном накруте — вы тем не менее тихий милый сын московской мамы, пусть и тщательно это скрываете. Читатели могут узнать об этом только из вашего давнего, может быть, первого сборника "Подписка о взаимности".

— Первый сборник был крокодильский — "Поцелуй из первых уст", но первый полноценный был именно тот, который вы имеете в виду, самый дорогой мне сборник.

— Так вот, там были чудесные стихи о попугае, живущем на кухне. Они так оканчивались:

...Вспархивает, на руку садится.
Слышу, слышу слишком хорошо
то, что попугаем повторится.
И — не повторится ни за что.
Вот оно, вот это, только это:
вечер, мама с птицей на руке.
И глаза мне режет — не от света, и знобит.
Да не на сквозняке.

Вам не жалко, что уходит такое ощущение испо-

нешнее реноме не вредит вам по жизни?

— В основном нет. Среди тех, с которыми я начинал в другом качестве, есть какие-то негативные флюиды, которые я ловлю. Среди коллег появились уже люди, которые тайно желают мне облома. При всей внешней дружелюбности — я знаю, что они мне первыми выразят сочувствие, когда произойдет неудача. Но единственное, что у меня есть, — это реноме. Я не банкир и не бандит, не занимаюсь никаким бизнесом — всю жизнь я занимаюсь самообнарождением. И иронически называю это так: "Торгово-убыточный дом Вишневский без К°".

— Одностишия — интересный жанр. У меня была когда-то такая идея стихописания: ты пишешь строчку — а любой вправе подставить к ней свою, на собственный вкус. И у одной и той же строки могли бы быть десятки продолжений. Вы избрали более эгоистичную, что ли, форму.

— Но я ведь нашел литературоведческое обоснование этому. Я не первооткрыватель. Карамзин когда-то написал: "Покойся, милый прах, до радостного утра". Пример более известный — из Брюсова: "О, закрой свои бледные ноги!".

У Яна Парандовского в "Алхимии слова" — любимая моя книга — есть совершенно лестный для меня фрагмент: "Иногда поэты задумывались, а не следовало бы остановиться, написав первую строку, словно посланную с неба. Зачем добавлять вторую, которая обычно дается с трудом, ценой всех капризов и случайностей, навязываемых рифмой? Не выглядит ли временами эта вторая строка так, будто ее нам подсунул злобный и коварный враг, чтобы разрушить очарование первой строки? ...Почему не закрепить за монословами право на самостоятельное существование? Однако никто из поэтов на это не отваживается..."

— Платят-то построчно — вот в чем штука. Впрочем, за книжку оплата полустатья — но вы ведь можете снабдить сборник одностиший оглавлением... Но этому жанру свойственны издержки. Например, ваше одностишие "Как холодит ладонь бутылка кефира..." — это же лажа.

— Ну, лажей можно назвать все — и вы будете правы, потому что читатель всегда прав. Вам эта строка не нравится — и это нормально.

— Возможно, если кефир тут заменить на пиво, я поколеблюсь в своем мнении... А не считаете ли вы себя отравившимся стебом?

— Видите ли, если я пишу нечто, что считается черным юмором, — например, "Да ну вас — вы известный расчленяла" или "Ну это я при жизни был веселым", — то все равно со взглядом оптимистическим. Ведь если я сказал это, облек в слово, — значит я изысел это из жизни. Это может выглядеть казуистической, софистической — но тем не менее.

— Мне бы тоже очень хотелось, чтобы это действительно было так.

В гости ходил Алексей ЕРОХИН.

Веч. клуб - 1995 -
23 сент. - с. 7.

Владимир ВИШНЕВСКИЙ:

«Когда б не раздолбайство — чего бы я достиг?»

— Итак, поручик...
— ???
— А что — разве не поручик? Поэт Вишневский — поручик Ржевский: есть что-то общее, по-моему. Бывает, например, генерал от инфантерии. Почему бы не быть поручику от поэзии? В своем телевизионном "Вишневском саду" вы предстаёте в разных обликах — то Пушкина, то Гамлета, то гусара — так вот, по мне, последняя роль для вас наиболее органична. Разве не так?

— И да, и нет. Я понимаю, что есть некоторая зависимость от созданного имиджа, узда имиджа, которая, с одной стороны, и тяготит, и без которой уже и нельзя. Но у меня недаром есть такие одностишия — "Изношен имидж, хоть и недоношен. Сбривай усы, пока не отвалились". Они складываются в целый венок: некая фантазмагория ухода отовсюду раньше, чем можно, упреждая события. Уйти, чтобы не надоесть прежде всего себе.

— Сам уйду, пока не умыли? Но это строчка не ваша — и не про вас. Вот и на ТВ вы пришли со своими знаменитыми одностишиями.

— Я понял, что они действительно кому-то нужны, имеют отклик. Как написали в "Вечерке": стали разменной монетой сегодняшнего остроумия. А в другом издании опросная служба мне сообщила, что они имеют самый высокий рейтинг цитирования. Может быть, я дьявольски совпал с этим временем тотальной занятости, когда хватает времени только на строку и когда читатель с помповым ружьем может лишиться тебя слова, а ты должен успеть сказать — это как бы обоснование одностиший. Недаром у меня есть такое выражение: "Пока не долетел предмет из зала..."

И вот возник замысел передачи "Вишневский сад": чтобы узнаваемые мгновенно

люди, гораздо более понятные и известные народу, чем сам Вишневский, прочитали по одной строке и получилась такая живая цепочка. И все, к кому я ни обращался, меня поняли и откликнулись: это и Зиновий Гердт, и Валентин Гафт, и Лидия Федосеева-Шукшина, и Зиновий Высоковский — долго можно перечислять. Даже Ирина Хакамада. И, например, если Юрий Сенкевич читает одностишие "Подайте мне билет в Буэнос-Айрес", то это, видимо, что-то значит. Или Федосеева-Шукшина: "Какой-то вы маньяк несексуальный..."

— Последняя строчка — явно не про вас. Не автобиографическая, скажем так. Гусарства своего вам не укрывать...

— Просто я много пишу в своих стихах последнего времени о разделенной любви, о взаимности. Когда-то был другой поэт Вишневский, который писал длинные стихи о неразделенной любви, а сейчас я пишу короткие — о разделенной. А вообще все гораздо сложнее. Точно так же мне не хочется быть только в имидже поэта, который пишет только одностишия, хотя благодаря этому я стал довольно широко известен. Но я пишу и другие стихи, длинные: из двух строк, из четырех и еще длиннее...

— То, что укоротилось изложение, говорит о

мужской удачливости, пришедшей с опытом?

— Опять же — и да, и нет. Лирическим героем удобно прикрываться. Был даже один такой литературный начальник в журнале, который говорил, что в книге должен быть хотя бы один лирический герой...

— Но опыт-то — при вас. Вспоминается "Городская элегия":

Когда гуляешь в городе пешком,
Бывает — вскинешься,
как будто стойку сделаешь,

Повергнутый в восторг:
"Какая девушка!"
А приглядишься — ты и с ней знаком.

— Если говорить о поэте Вишневском как физическом лице и теплокровном мужчине, не прикрываясь никаким лирическим героем, мне всю жизнь скрасило вот это вечное предощущение встречи, которым я живу. И если перефразировать фразу Горького насчет того, что всем лучшим в себе он обязан книгам, — я всем лучшим во мне обязан личным знакомствам, встречам...

— В том числе и знакомствам с женщинами?

— Да. Я всегда старался познакомиться на улице с девушкой, которая мне нравилась, и в 90 процентах случаев это удавалось. Я не говорю, что было потом, но тем

щине, благодаря которой меня так прорвало.

— Но она к вам так и не пришла?

— Нет — потому что стихами никогда ничего не поправишь. Покойный поэт Ефим Зубков примерно так писал: судьбы стихами не купить, наоборот — платить за них судьбою... То есть стихами никого, ничего не вернешь.

— А может, и не надо.

— И не надо. Но то был другой Вишневский. И я уже никогда не напишу серьезных стихов о любви, никогда.

— Вообще-то получается, что женщины — это пушечное мясо поэзии...

— Это термин броский и красивый, но все-таки, наверное, не совсем верный. Но все лучшие одностишия я написал в моменты общения с женщиной. Ведь сама женская фигура — столько в ней оптимизма, жизнеутверждения. Это просто пластическое выражение существа жизни.

— Кстати, относительно существа жизни — мне приходит на ум ваше двустишие "Ночь": "Протяж-но содрогался холодильник в любовном упоенье замерзания..." Вот даже у холодильника оргазм — нет ли в этом, скажем так, очень специфического ощущения жизни?

— Но мне не видится тут какой-то извращенности.

ведальности, что вы прикрываетесь маской — гусарской ли, донжуанской?..

— Жалко — не жалко, но так есть. И все равно я еще смею надеяться, что в моих так называемых иронических стихах — при всей условности этого термина — есть и свой трагизм, а не только, как кто-то думает, зубоскальство. Но хорошо, что я успел тогда это сказать. И те стихи, которые вы лестно для меня вспоминаете, — они со мной, я от них не отказываюсь. Просто тот, предыдущий, Вишневский, писал вот такие стихи. И я так благодарен судьбе, которая не дала мне выпустить книгу в каком-нибудь 80-м году, где, наверное, были бы какие-то...

— "Паровозики". То есть "правильные" вирши для редакторского глаза, которые "везут" за собой прочее содержание.

— Тем не менее они у меня были. Я когда-то написал все-таки: "Мы — поколение Нового Арбата" — и это считалось как бы "паровозом".

— Еще бы — эти стихи обигрывались в стольких статьях. Критики весьма усердно паразитировали на этой строчке.

— А я просто ходил когда-то на Новый Арбат знакомиться с девушками и считал, что судьбу найду именно там.

— А устоявшееся ны-